М.В. Корольков
ИВ РАН

«Статут о полях» (*тянь люй*) из раннеханьского погребения № 247 в Чжанцзяшань и некоторые проблемы реконструкции древнекитайского земельного законодательства

Данная статья посвящена описанию и анализу содержания одного из важнейших разделов циньско-ханьского законодательства – статутов о землеустройстве и землепользовании, официально называвшихся «Статутами о полях» (*тянь люй* 田律). На сегодняшний день эта категория статутов известна по целому ряду эпиграфических находок. По нескольким причинам мы решили сосредоточиться на рассмотрении лишь одной из них – «Статута о полях» в составе раннеханьского судебника из погребения в Чжанцзяшань 張家山. Во-первых, это наиболее полное из аналогичных собраний законодательных норм, охватывающее наиболее широкий круг тематически связанных между собой установлений. Во-вторых, статут чжанцзяшаньского собрания связан с предшествующим ему по времени циньским законодательством, что позволяет продемонстрировать как связь между ними, так и в некоторых случаях динамику развития различных законодательных норм. Наконец, в отличие от некоторых других важных эпиграфических находок, о которых будет сказано ниже, чжанцзяшаньский статут по-прежнему остаётся непереведённым на европейские языки и практически не введённым в научный оборот в западной синологии.[1] Восполнить этот пробел призван перевод, включённый в настоящую статью.

Сообщения традиционных письменных источников о ханьском «Статуте о полях». Наличие в ханьском законодательстве особого раздела, носившего название «Статут о полях» (*тянь люй*), отмечено в комментарии Чжэн Сюаня 鄭玄 (127–200 гг.) к каноническому тексту Чжоу ли 周禮 [22, цз. 35, с. 920]. Поскольку других упоминаний о *тянь люй* в ханьских текстах не встречается, трактовка содержания этого понятия в комментарии Чжэн Сюаня была весьма затруднительна. В течение длительного времени общепринятым было мнение, согласно которому

© Корольков М.В., 2010

ханьский «Статут о полях» включал в себя установления, связанные с организацией облавной охоты и не имевшие отношения к земледелию (см., например, [37, с. 37]).[2] Эта трактовка восходит к вторичному комментарию (*шу* 疏) к Чжоу ли танского учёного Цзя Гун-яня 賈公彥 (точные годы жизни неизвестны) [22, цз. 29, с. 768]. Современные исследования продемонстрировали, что такое понимание значения термина *тянь люй* в Чжоу ли основано на ошибочной интерпретации текста и сведении воедино двух не имеющих друг к другу прямого отношения законодательных норм. Согласно новой интерпретации, упоминая ханьские «статуты о полях», Чжэн Сюань имел в виду установления, направленные на поддержание общественного порядка в деревне и своевременную организацию сельскохозяйственных работ, а также сезонные запреты на определённые виды деятельности [7, с. 132–134]. В таком виде ханьские *тянь люй* близки «полевым запретам» (*е цзинь* 野禁), список которых приводится в трактате конца эпохи Чжаньго (453–221 гг. до н.э.) Люйши чуньцю 呂氏春秋 [10, цз. 26, с. 685–686; 34, с. 421–422; 7, с. 133].

Эпиграфические находки «статутов о полях». Сделанные в 70-х – 80-х гг. XX века находки ряда эпиграфических корпусов, включающих законодательные тексты, впервые предоставили в распоряжение исследователей образцы циньских и раннеханьских «статутов о полях», что позволило обновить представление о составе, характере и значении этого раздела законодательства.

В конце 1975 г. при раскопках циньского погребения № 11 в местечке Шуйхуди 睡虎地 уезда Юньмэн 云夢 провинции Хубэй 湖北 было обнаружено 1235 бамбуковых планок (включая 80 сильно повреждённых) с текстами в основном законодательного и судебного содержания, в том числе ряд циньских статутов (*люй* 律) (см. [26]). В числе текстов, объединённых издателями в раздел «Восемнадцать разновидностей циньских статутов» (*Цинь люй ши ба чжун* 秦律十八種)[3], встречается шесть статей «Статута о полях» (см. [26, с. 24–30; 38, с. 21–25]). Определению принадлежности этих шести установлений именно к «Статуту о полях» способствовал тот факт, что в конце каждой законодательной статьи из группы «Восемнадцать разновидностей циньских статутов» имеется указание на её принадлежность к тому или иному статуту.

Погребение № 11 в Шуйхуди датируется временем правления основателя циньской империи Цинь Шихуан-ди 秦始皇帝 (годы правления в качестве императора: 221–210 гг. до н.э.), предположительно ок. 217 г. до н.э. (см. предисловие к [26]). Сами статуты не могут быть точно датированы; некоторые исследователи указывают на то, что, по крайней мере, часть законодательных установлений из Шуйхуди имеет очень раннее происхождение (см. [18, с. 19–33]). Можно определённо утверждать, что значительная часть текстов этого эпиграфического корпуса относится к доимперскому периоду циньской истории.[4]

Содержание статей «Статута о полях» из Шуйхуди впервые позволило очертить тематические границы этого раздела циньского законодательства. Статьи содержат установления, связанные с поземельным

налогообложением; хранением зерна в казённых амбарах и соответствующей отчётностью; отчётностью о благоприятных и неблагоприятных природных явлениях, способных повлиять на урожайность полей; сезонными запретами на определённые виды деятельности (вырубка леса, пережигание травы на золу, ловля рыбы и охота); мерами по обеспечению общественного порядка в период полевых работ (запрет на покупку вина работающими в поле земледельцами) [26, с. 24–30; 38, с. 21–25].

Другая важная находка была сделана в ходе проводившихся в 1979–1980 гг. в местечке Хаоцзяпин 郝家坪 уезда Цинчуань 青川 провинции Сычуань 四川 раскопок циньского кладбища второй половины эпохи Чжаньго. В одном из погребений был обнаружен текст указа о земельном межевании, записанный на деревянной дощечке и содержавший отсылку к «Статуту о полях», на «исправление» (*гэн сю* 更修) которого он был направлен. В отличие от статута из Шуйхуди, в этом тексте имеется указание на дату его издания – 309 г. до н.э. (см. [13]).

В 1989 г. в погребении № 6 в местечке Лунган 龍崗 уезда Юньмэн провинции Хубэй, датируемом самым концом циньского имперского периода, было обнаружено 293 бамбуковых планки с записью законодательных текстов. Исследователи полагают, что тексты лунганского корпуса представляют собой выписки из различных статутов, так или иначе связанные с императорскими охотничьими парками (*цзинь юань* 禁苑) [9, с. 4–7]. Плохая сохранность планок и отсутствие на них названий статутов затрудняют отнесение отдельных фрагментов к тому или иному из известных разделов циньского законодательства. Тем не менее, можно утверждать, что тексты из Лунган определённо включают выписки из «Статута о полях». Так, текст на планках 77–83 дословно совпадает с одной из статей «Статута о полях» из Шуйхуди, запрещающей охоту, рубку леса и рыбную ловлю в определённые сезоны [9, с. 101–102]. На других планках встречаются установления, связанные с земельным межеванием – темой, которая, как уже было известно благодаря находкам в Шуйхуди и Цинчуань, также относилась к области законодательства о полях.

«Статут о полях» из Чжанцзяшань. Наиболее поздний и одновременно наиболее подробный «Статут о полях» был обнаружен в раннеханьском погребении № 247 в местечке Чжанцзяшань уезда Цзянлин 江陵 провинции Хубэй, раскопки которого проводились в 1983–1984 гг. (подробнее о чжанцзяшаньском судебнике, его составе и датировке см. [33]). В отличие от циньских установлений, входящих в раздел «Восемнадцать разновидностей циньских статутов» корпуса Шуйхуди, статьи чжанцзяшаньского судебника не содержат прямого указания на их принадлежность к тому или иному статуту. Названия статутов были нанесены на отдельные планки, которые, видимо, размещались в начале текста соответствующего статута (всего таких планок обнаружено 28: 27 названий статутов и одно название сборника указов). Однако после того как связывающие свитки бамбуковых планок веревки перетёрлись, свитки рассыпались, а планки перемешались под давлением оседавшей в погребение

глины (см. предисловие к [21]). В результате планки, относящиеся к одному и тому же статуту, не обязательно находились рядом ко времени их обнаружения. Статуты и отдельные статьи, включавшие более одной планки, пришлось «собирать» из найденных планок. Неудивительно, что при этом разными учёными были предложены разные версии реконструкции отдельных статей и статутов. Более того, некоторые исследователи предполагают, что изначально в чжанцзяшаньский судебник могло входить больше статутов, чем было обнаружено планок с названиями статутов. Иными словами, некоторые планки с названиями статутов не были найдены в погребении (возможно, в силу из разрушения), и статьи, относящиеся к соответствующим статутам, были ошибочно отнесены к другим статутам.[5]

Следует особо отметить, что в первом издании чжанцзяшаньских текстов на последних страницах была помещена схема расположения планок в погребении и таблица соотношения номеров планок, присвоенных им при их обнаружении, с их последовательностью в издаваемом тексте [20, с. 309–322]. В дальнейших изданиях эти материалы не воспроизводились. По схеме расположения планок в погребении ясно видно, что во многих случаях планки одного и того же статута как он реконструирован издателями сильно удалены друг от друга. Более того, в некоторых случаях планки одного и того же статута взяты из двух отчётливо отделённых друг от друга групп планок, которые можно идентифицировать с отдельными свитками (см. [33]). С другой стороны, в археологическом отчёте отмечено, что планки были обнаружены в двух местах погребения: у западной и южной стен головной части погребальной камеры [19]. Этот факт никак не отражён на схеме в [20], что само по себе уже заставляет предположить, что она отражает расположение планок не в погребении, а, возможно, уже после их извлечения оттуда. Более того, сами составители схемы, несмотря на видимую отделённость друг от друга групп планок, отмечают факт смешения планок из различных групп [20, с. 322].

«Статут о полях» демонстрирует возможность такого смешения. Издатели чжанцзяшаньского судебника относят к этому статуту 13 статей, записанных на 19 планках (№ 239–257) (см. [27, с. 186–194]). На последней планке нанесено название статута – *тянь люй*. Эти планки отчётливо делятся на две части: семь из них относятся к группе планок C и двенадцать – к группе планок F, согласно схеме, отчётливо отделённых друг от друга. Тем не менее, как мы увидим ниже, сравнение с циньскими статутами из Шуйхуди показывает, что несколько статей как из группы C, так и из группы F относятся к «Статуту о полях»: они дословно совпадают со статьями «Статута о полях» из Шуйхуди. Видимо, перемещение планок из одной группы в другую было, действительно, возможно, однако причины этого перемещения, естественно, могут быть объяснены только непосредственными участниками раскопок.[6] К сожалению, на настоящее время отсутствуют какие-либо публикации на эту тему.

Мы полагаем, что издатели чжанцзяшаньских текстов при реконструкции «Статута о полях» пошли по консервативному пути: отнесли к нему те установления, принадлежность которых к этому разделу законодательства

была уже известна по предыдущим эпиграфическим находкам (см. ниже Табл. 1). В целом такой подход можно признать удовлетворительным; его эффективность подтверждается тем, что он позволил включить в «Статут о полях» практически все планки, текст которых так или иначе относится к землеустройству. Само по себе это является важным свидетельством того, что «Статут о полях» представлял собой устойчивый раздел циньско-ханьского законодательства, состав которого существенно не менялся. Ниже мы рассмотрим тематику статей этого статута на примере его раннеханьской версии из Чжанцзяшань.[7]

Тематика статей «Статута о полях» из Чжанцзяшань. Статьи «Статута о полях» из чжанцзяшаньского судебника могут быть тематически разделены на пять групп, причём принадлежность статей к группам не обязательно определяется последовательностью планок. Судебник из Чжанцзяшань был не официальным изданием раннеханьского законодательства, а выписками из него, сделанными местным чиновником, видимо, для собственных нужд, и не обязательно в том порядке, в котором отдельные законодательные нормы располагались в официальном издании статутов. Ниже мы приведём характеристику тематических групп, а также тексты относящихся к каждой из них статутов. Для удобства изложения материала, каждой из статей присвоен номер, соответствующий последовательности планок как она установлена издателями чжанцзяшаньских текстов. Номер указан в начале перевода текста каждой статьи, в скобках после него обозначены номера относящихся к данной статье планок. В китайском тексте номера планок указаны в скобках после текста на соответствующей планке. Пунктуация в китайском тексте соответствует предложенной в [28].

Группа 1. Земельное межевание. К этой группе относятся две статьи на планках 245–248:

盜侵巷術、谷巷、樹巷及狼（墾）食之，罰金二兩。**(245)**

VI. (Пл. 245) Если кто-то разбойным образом вторгнется на [дороги] *сяншу*, *гусян*, *шусян*[8] и распашет их, его [следует приговорить] к штрафу [в размере] двух *лянов* золота[9] [27, с. 189].

田廣一步，袤二百卌步，為畛，畝二畛，一佰（陌）道；百畝為頃，十頃一千（阡）道，道廣二丈。恒以秋七月除千（阡）佰（陌）之大草；九月大除 **(246)** 道及阪險；十月為橋，修波(陂)堤，利津梁。雖非除道之時而有陷敗不可行，輒為之。鄉部主邑中道，田主田 **(247)** 道。道有陷敗不可行者，罰其嗇夫、吏主者黃金各二兩。盜侵飤道，千（阡）佰（陌）及塹土〈之〉，罰金二兩。**(248)**

VII. (Пл. 246–248) [Если] участок поля имеет ширину 1 шаг (1,4 м) и длину 240 шагов (336 м) – это *чжэнь*. *Му* – два *чжэнь* и одна дорога-*бо* (*мо*). Сто *му* составляют *цин*, на десять *цинов* одна дорога-*цянь*, ширина дороги два *чжана* (ок. 4,6 м). Всегда осенью в 7-й месяц выпалывать высокую траву, выросшую на [дорогах] *цянь* и *бо* (*мо*). В 9-й месяц [следует проводить] большую расчистку дорог, косогоров и балок. В 10-й месяц

[следует] строить мосты, чинить насыпи на берегах и дамбы, приводить в хорошее состояние броды и мосты. Если время ремонта дорог ещё не подошло, но [они уже] пришли в негодность, так что по ним нельзя пройти, их надлежит немедленно ремонтировать. Волостная управа отвечает за дороги в границах городского поселения, [чиновники, ведающие] полями, отвечают за дороги в полях. Если дорога повреждена так, что по ней нельзя пройти, [отвечающие] за нее *сэфу*[10] и начальник чиновников штрафуются каждый на два *ляна* золота. Если кто-то разбойным образом вторгнется на дороги, *цянь* и *мо* и распашет или перекопает их, его [надлежит приговорить] к штрафу в два *ляна* золота [27, с. 189–190].

Земельное межевание было одной из основ социальных и административных реформ в царстве Цинь, проводившихся начиная с середины IV в. до н.э. Одним из документов межевальной реформы был обнаруженный в циньском погребении в Хаоцзяпин указ 309 г. до н.э., в значительной своей части дословно совпадающий со статьёй VII чжанцзяшаньского «Статута о полях». Два текста предписывают одну и ту же модель межевания; указ из Хаоцзяпин дополнительно модифицирует эту модель, не меняя её основных характеристик (размеры стандартных земельных участков и их отношение друг к другу), как мы полагаем, с целью её адаптации к условиям вновь присоединённых к царству Цинь территорий.[11]

После осуществления межевания, законодательство предписывало поддерживать систему межевых дорог в хорошем состоянии и устанавливало наказание за разрушение дорог, намеренное или по небрежению. Эти раннеханьские установления также восходят к циньскому законодательству, запрещавшему разрушение и перемещение межевых дорог и насыпей (см. [26, с. 178–179; 38, с. 164; 9, с. 112]). Чжанцзяшаньский статут содержит указание на то, что межевальная система, возможно, была единой для городов и сельской местности: в статье VII в связи с межеванием говорится о дорогах как в пределах, так и вне пределов городского поселения.[12]

Группа 2. Земельные наделения. К этой группе относятся две статьи на планках 239 и 244:

田不可田者，勿行；當受田者欲受，許之。**(239)**

I. (Пл. 239) Если поле не подлежит обработке, его не следует выдавать [в надел]. Если [человек], которому полагается поле в [надел], желает получить [такое поле], это следует разрешить [27, с. 187].

田不可狼（墾）而欲歸，毋受償者，許之。**(244)**

V. (Пл. 244) Если поле не может быть вспахано, и человек пожелает вернуть его, не получая при этом компенсации, это следует разрешить [27, с. 188–189].

Большинство установлений чжанцзяшаньского судебника, связанных с земельными наделениями, относятся к статутам «О домохозяйствах» (*ху люй* 戶律) и «О назначении наследников» (*чжи хоу люй* 置後律) [27, с. 214–227, 235–241]. Согласно этим статутам, государство обязывалось

предоставлять своим подданным земельные наделы в соответствии с системой социальных рангов (*цзюэ* 爵): чем выше ранг, тем больший полагался надел (подробнее о циньско-ханьской системе ранговых земельных наделений см. [3; 23, с. 212–223; 24; 29]). Чжанцзяшаньские статуты оперируют рядом терминов, связанных с земельными наделениями, которые также встречаются в двух приведённых выше «статутах о полях»: *син* 行 – «наделять; распределять (земельные участки)»[13]; *шоу* 受 – «получать (земельный участок в надел)»[14]; *гуй* 歸 – «возвращать (земельный участок в казну)». Понятие *шоу тянь* 受田 – «поле, полученное (в надел)» – известно также из циньского «Статута о полях» из Шуйхуди [26, с. 27–28; 38, с. 23–24].

Чжанцзяшаньский «Статут о полях» содержит ту часть законодательных норм, связанных с земельными наделениями, что касалась определения качества подлежащих раздаче в наделы земельных участков и возможности их обработки. Видимо, выполнение этих требований законодательства было связано с ведением земельных реестров, в которых отмечалось качество различных участков. Как мы увидим ниже, согласно циньскому и раннеханьскому «Статутам о полях», в обязанности уездной администрации входило ведение различных форм систематической отчётности о состоянии обрабатываемых полей.

Группа 3. Поземельное налогообложение. К этой группе принадлежит три статьи на планках 240–242 и 255:

入頃芻稾，頃入芻三石；上郡地惡，頃入二石；稾皆二石。令各入其歲所有，毋入陳，不從令者罰黃金四兩。收 **(240)** 入芻稾，縣各度一歲用芻稾，足其縣用，其餘令頃入五十五錢以當芻稾。芻一石當十五錢，稾一石當五錢。**(241)**

II. (Пл. 240–241) [Когда] вносится [налог] сеном и соломой, то с одного *цина* должно вноситься три *ши* сена.[15] В [округе] Шан-цзюнь земли плохие, там с одного *цина* должно вноситься два *ши* сена.[16] Соломы должно вноситься два *ши* [с одного *цина*] во всех случаях. [Следует] распорядиться, чтобы вносилось то, что собрано в этом году, нельзя вносить [налог] старыми (прошлогодними) сеном и соломой. Если кто-то не последует этому указу, его следует штрафовать на четыре *ляна* золота. При сборе сена и соломы, уездные [чиновники] должны рассчитать, сколько они израсходуют за год, так, чтобы в уезде было достаточно [сена и соломы]. Если обнаружится, что [в случае полного сбора этого налога] возникает излишек сена и соломы, [налог следует собирать в монете], из расчёта 55 монет с одного *цина* вместо сена и соломы. Один *ши* сена соответствует 15 монетам, один *ши* соломы – 5 монетам [27, с. 187–188].

芻稾節貴於律，以入芻稾時平賈（價）入錢。**(242)**

III. (Пл. 242) Если сено и солома стоят дороже, чем предусмотрено статутом[17], то деньги надлежит вносить в соответствии с усреднённой ценой на время внесения [налога] сеном и соломой[18] [27, с. 188].

卿以下，五月戶出賦十六錢，十月戶出芻一石，足其縣用，餘以入頃芻律入錢。**(255)**

XII. (Пл. 255) Все, кто имеет ранг ниже *цина*[19], в 5-м месяце должны с одного двора внести налог в 16 монет, а в 10-м месяце с одного двора внести один *ши* сена, так, чтобы в уезде было достаточно [сена] для использования. Излишек вносить деньгами в соответствии со статутом о внесении [налога] сеном с *цина* [земли][20] [27, с. 193].

Чжанцзяшаньский статут подробно освещает одну из категорий поземельного налога – налог сеном и соломой, которому также посвящена одна из статей циньского «Статута о полях» из Шуйхуди ([26, с. 27–28; 38, с. 23–24]; см. также [6]). Циньский статут устанавливает точно те же нормы налогообложения, что и ханьский, однако, во-первых, не делает скидок на неблагоприятные природные условия каких-либо регионов, во-вторых, не предусматривает возможность замены сена и соломы денежными выплатами.

Сравнение соответствующих законодательных установлений демонстрирует как высокую степень преемственности циньской и ханьской административной практики (сохранение нормы налогообложения), так и наличие определённых изменений, прежде всего, монетизацию данного вида налогообложения: уездным управам позволялось собирать часть налога в монете. Это изменение, на наш взгляд, может свидетельствовать о нескольких взаимосвязанных явлениях. Как мы увидим ниже, собираемые в качестве налога сено и солома поступали в распоряжение уездной управы и использовались для обустройства складов, а также шли на прокорм казённого скота. Если циньский статут предполагал, что государственная хозяйственная инфраструктура будет в состоянии потребить весь налоговый сбор сена и соломы, то ханьский статут предусматривал возможность наличия избытка, который надлежало конвертировать в монету. Если учесть неизменность налоговой ставки, это должно свидетельствовать либо о значительном сокращении обрабатываемого земельного клина и большей площади покосов в начале раннеханьского времени по сравнению с циньским; либо о сокращении масштабов государственного хозяйства и транспортной системы, которые теперь были не в состоянии потребить прежние объёмы сена и соломы. Оба эти явления могли иметь место одновременно и, скорее всего, были результатом многолетних войн, сопровождавших распад циньской и возникновение ханьской империи.[21] С другой стороны, возможность собирать часть налога сеном и соломой в денежной форме должна была увеличить финансовые возможности уездной администрации. Эту же цель, видимо, преследовала статья XII, устанавливавшая подворный налог сеном и соломой (ещё одно новшество по сравнению с циньским законодательством), который также разрешалось взимать в денежной форме. Если это наблюдение верно, то изменения, связанные со сбором поземельного налога сеном и соломой, могут рассматриваться как проявление перехода от прямого государственного управления хозяйством (государственного хозяйства) к более гибким финансовым формам хозяйственного регулирования.

Интересно отметить, что ни циньский, ни ханьский «Статуты о полях» не содержат установлений, связанных со сбором основного поземельного налога – зернового (подробнее об этом налоге см. [17, с. 38–103]). С этой формой налогообложения, видимо, связаны некоторые формы отчётности, предусмотренные этими статутами (подробнее см. ниже), однако процесс сбора этого налога, в отличие от налога сеном и соломой, не рассматривается. Фрагменты установлений, связанных с нормами поземельного налогообложения зерном (*цзу* 租), встречаются на бамбуковых планках из циньского погребения в Лунган. К сожалению, не представляется возможным точно определить, к какому именно разделу циньского законодательства они относятся. Некоторые исследователи полагают, что эти нормы могут быть связаны с упоминаемым в Ши цзи 史記 «Статутом о налогах с полей» (*тянь цзу шуй люй* 田租税律) [28, с. 92]. Другие исследователи, напротив, считают, что упоминаемый в Ши цзи статут мог быть всего лишь одной из статей ханьского «Статута о полях» [7, с. 134–135]. Нам представляется, что отсутствие установлений о зерновом налоге в известных на сегодня «Статутах о полях» не случайно: в силу логики организации циньско-ханьского законодательства этот налог должен был рассматриваться в отдельном статуте. К этому вопросу мы вернёмся ниже.

Группа 4. «Ритуальные запреты». К этой категории относятся две статьи на планках 249–250:

禁諸民吏徒隸，春夏毋敢伐材木山林，及進〈壅〉隄水泉，燔草為灰，取產盜[22]卵縠（告 ）；毋殺其繩重者，毋毒魚。**(249)**

VIII. (Пл. 249) Запрет всем простолюдинам, чиновникам, отбывающим наказание преступникам и рабам: весной и летом никто не должен сметь рубить деревья и лес в горах, засыпать водные источники, жечь траву на уголь, ловить детёнышей зверей и собирать птичьи яйца. Не убивать беременных животных, не травить ядом рыбу [27, с. 190–191].

毋以戊己日興土功。**(250)**

IX. (Пл. 250) В дни *у* и *цзи* не проводить земельных работ[23] [27, с. 191–192].

Текст статьи VIII практически дословно совпадает с содержанием одного из циньских «статутов о полях» из погребения в Шуйхуди [26, с. 26–27; 38, с. 22–23]. Различные написания отдельных знаков являются результатом разнописей одной и той же фонемы, а не наличия различных версий текста [40, с. 139–143].

Данные тексты относятся к так называемым «помесячным распоряжениям» (*юэ лин* 月令) – сезонным предписаниям, связанным с хозяйственной деятельностью и обусловленным представлениями о соответствии между определёнными видами человеческой деятельности и сезонами года. Традицию *юэ лин* часто связывают с космологическими построениями «школы» *инь-ян* 陰陽家, крупнейшим представителем которой был философ второй половины эпохи Чжаньго Цзоу Янь 鄒衍 (305–240 гг. до н.э.) [30, с. 27]. Собрания «помесячных указов», охватывающих весь год,

включены в состав эклектических произведений эпох Чжаньго и Ранняя Хань – Гуань-цзы 管子 (глава Сы ши 四時 – «Четыре сезона»), Люй ши чуньцю 呂氏春秋 (главы помесячных записей *цзи* 紀, открывающие первые двенадцать *цзюаней* этого трактата), Хуайнань-цзы 淮南子 (глава Ши цзэ сюнь 時則訓 – «Сезонные правила»). Ещё один текст категории *юэ лин*, предположительно сложившийся в раннеханьскую эпоху и имевший самостоятельное хождение, был, согласно традиции, включён позднеханьским каноноведом Ма Жуном 馬融 (79–166 гг. н.э.) в состав собрания текстов о ритуале Ли цзи 禮記 («Записи о ритуале»).[24]

Находки в Шуйхуди и Чжанцзяшань показали, что «помесячные распоряжения» были частью не только космологического дискурса, но и действующего законодательства эпох Чжаньго и Хань. Соответствующая часть законодательства отличалась высокой степенью унифицированности и преемственности: циньские установления были без особых изменений воспроизведены в ханьских статутах. Можно предположить, что представления о космической регулирующей деятельности правителя, отразившиеся в философских трактатах эпох Чжаньго и Ранняя Хань, в значительной мере были теоретизированием над этим разделом законодательства.

Статут на планке 250 видимо, связан с гадательной практикой, отражённой в так называемых «подневных книгах» (*жи шу* 日書) – мантических текстах, предписывающих или, наоборот, запрещающих определённые действия в определённые дни 10-ричного и 12-ричного циклов. Запреты распространялись в том числе на земельные работы. В гадательном тексте из циньского погребения № 11 в Шуйхуди, получившем название «Книга [гаданий о счастливых и несчастливых] днях типа А» (*жи шу цзя чжун* 日書甲種), встречаются две рубрики под названием «запреты, [связанные с] почвой» (*ту цзи* 土忌), в которых предписывается воздерживаться от проведения земельных работ (*ту гун* 土功) в определённые дни разных месяцев и даже в отдельные месяцы [16, с. 81, 164–165]. На обратной стороне дощечки с записью указа о полях 309 г. до н.э., обнаруженной в циньском погребении в Хаоцзяпин, имеется список дней, в которые не осуществлялись работы по расчистке дорог. Некоторые исследователи полагают, что этот список также отражает зафиксированные в законодательстве представления о неблагоприятности определённых дней для проведения земельных работ [5, с. 389–390]. Таким образом, данное установление также было одной из стабильных частей циньского и ханьского «законодательства о полях».

Группа 5. Выпас скота. К этой группе относятся две статьи на планках 251–254:

諸馬牛到所，皆毋敢穿穽，穿穽及置它機能害人、馬牛者，雖未有殺傷也，耐為隸臣妾。殺傷馬牛，與盜同法。殺人，**(251)** 棄市。傷人，完為城旦舂。**(252)**

Х. (Пл. 251–252) На пастбищах для лошадей и коров никто не должен рыть ямы-ловушки и устанавливать [какие-либо] приспособления, [которые могут повредить людям, лошадям и коровам]. Если кто-то вырыл

ямы-ловушки или установил приспособления, которые могут повредить людям, лошадям и коровам, то даже если [среди людей и животных] не было убитых и раненых, виновного следует обратить в состояние казённого зависимого человека (*личэньце*). Если были убиты или ранены коровы или лошади, виновного следует [приговорить] в соответствии с законом о воровстве.[25] Если погибли люди, виновного надлежит казнить на рыночной площади.[26] Если были ранены люди, виновного надлежит отправить на [казённые работы по] строительству городских стен и толчению зерна без [предварительного] клеймения[27] [27, с. 192].

馬、牛、羊、 摩[28]彘、彘食人稼穡，罰主金馬、牛各一兩，四 彘若十羊、彘當一牛，而令撟稼償主。縣官馬 **(253)** 、牛、羊，罰吏徒主者。貧弗能賞（償）者，令居縣官；□□城旦舂、鬼薪白粲也，笞百，縣官皆為賞（償）主，禁毋牧彘。**(254)**

XI. (Пл. 253–254) Если лошади, коровы, овцы, кабаны или свиньи потравят урожай на чужом поле, то за одну лошадь или корову надлежит внести штраф в один *лян* золота. Четыре кабана или десять овец или свиней считаются за одну корову. Кроме того, надлежит компенсировать ущерб владельцу [потравленного поля].[29] Если эти лошади, коровы и овцы принадлежали уездной управе, то штраф следует взыскать с начальников чиновников и осуждённых [на казённые работы] преступников.[30] Если [виновный в потраве чужого поля] беден и не может компенсировать [ущерб хозяину поля], его надлежит отправить в уездную управу [на казённые работы].[31] Если это [преступник, осуждённый на казённые работы по] строительству городских стен и толчению зерна или по сбору хвороста для кумирен и очистке зерна[32], его следует наказать ста палочными ударами. Ущерб хозяину поля [в этом случае] компенсирует уездная управа, а [виновному] запрещается [продолжать заниматься] выпасом скота[33, 34] [27, с. 192–193].

О наличии в циньском законодательстве установлений, близких или совпадающих с чжанцзяшаньскими, свидетельствуют тексты из Шуйхуди и Лунган. Наиболее близким по содержанию статье XI является фрагмент из собрания «Ответов на вопросы, связанные с законодательством» (*фа люй да вэнь* 法律答問, название присвоено тексту издателями) из Шуйхуди. Согласно этому фрагменту, от ответственности за потраву чужого поля освобождался пастух-ребёнок, если лошадь, которую он пас, забежала на поле, будучи перед этим напугана другим человеком [26, с. 218; 38, с. 165]. Очевидно, в циньском законодательстве имелась статья, с которой был связан это фрагмент, аналогичная статье XI раннеханьского статута.

Установление, дословно совпадающее со статьёй X, но предписывающее другие меры наказания за те же преступления, встречается на планках из циньского погребении в Лунган [9, с. 107, планки 103–109]. Кроме того, в текстах из Лунган содержится множество других, не встречающихся в других эпиграфических корпусах установлений, связанных с выпасом скота. Отсутствие на лунганских планках обозначений названий статутов, не позволяет определить, относились ли эти установления к «статутам о

полях», однако общий характер преемственности между циньским и ханьским законодательством склоняет нас именно к такому выводу.

Наличие в циньском и ханьском законодательстве специальных установлений, связанных с выпасом скота и обеспечением безопасного доступа к пастбищам, свидетельствует о том, что скотоводство имело достаточно большое значение в сельском хозяйстве, как частном, так и государственном.

Группа 6. Отчётность. Мы относим к этой группе две статьи на планках 243 и 256:

縣道已豤（墾）田，上其數二千石官，以戶數嬰之，毋出五月望。**(243)**

IV. (Пл. 243) Когда поля [на территории] уездов и *дао*[35] уже вспаханы, надлежит доложить о площади [вспаханных полей] чиновникам с жалованием в две тысячи *ши*[36], сопроводив [эту отчётность сведениями] о числе домохозяйств. [Отчётность] должна быть подана не позднее середины 5-го месяца [27, с. 188].

官各以二尺牒疏書一歲馬、牛它物用稾數、餘見芻稾數，上內史，恒會八月望。**(256)**

XIII. (Пл. 256) Каждая [уездная] управа должна, используя дощечки длиной 2 *чи*[37], составлять [ежегодные] отчёты отдельно о количестве [сена и] соломы, которые были потреблены коровами, лошадьми и другими животными в течение года, а также о количестве оставшихся сена и соломы, и подавать этот отчёт казначейству[38] в середине 8-го месяца[39] [27, с. 193–194].

Как известно из циньского «Статута о полях» из Шуйхуди, в обязанности уездной управы входил своевременный доклад об обстоятельствах, способных повлиять на урожайность полей [26, с. 24–25; 38, с. 21–22]. Такая отчётность, очевидно, давала возможность центральному правительству провести своевременный перерасчёт планируемых поступлений поземельного налога. Статья IV чжанцзяшаньского статута позволяет предположить, что сам расчёт производился в 5-м месяце лунного года на основании доклада уездных управ о площади распаханных и засеянных в этом году полей. По сути это были две формы одной и той же отчётности.

Установления, связанные с использованием сена и соломы в уездном хозяйстве и ведением соответствующей отчётности, встречаются в двух статьях «Статута о полях» из Шуйхуди. В них речь идёт о расходовании сена и соломы на покрытие пола в казённых складах и на корм вьючным лошадям и быкам [26, с. 28–29; 38, с. 24–25]. Если сопоставить эти установления со статьёй XIII раннеханьского «Статута о полях», можно сделать вывод о том, что собираемые в качестве поземельного налога сено и солома поступали в распоряжение уездных управ, расходовались на территории уезда и шли на обеспечение местной государственной хозяйственной инфраструктуры и системы коммуникаций (в том числе, почтовой службы). В начале раннеханьского времени, когда, как мы видели выше, часть налога сеном и соломой уже собиралась в денежной форме, сведения о количестве

оставшегося с прошлого года сена и соломы служили своего рода финансовой отчётностью. Она позволяла центральному правительству составить представление о финансовом состоянии той или иной управы в новом году и, соответственно, о её возможностях по самостоятельному выполнению различного рода казённых проектов, требовавших денежных расходов.[40]

Функционирование и логика организации циньского и раннеханьского «законодательства о полях». Ниже в виде таблицы обобщены результаты сравнения циньских и раннеханьских законодательных установлений, относившихся к «Статуту о полях».

Таблица 1. Циньские и раннеханьские «Статуты о полях»

Тематика статей	Чжанцзяшань	Шуйхуди	Лунган	Цинчуань
Земельное межевание	Ст. VI, VII	+	+	+
Земельные наделения	Ст. I, V			
Поземельное налогообложение	Ст. II, III, XII	+ (Ст. 3[41])	?	
«Ритуальные запреты»	Ст. VIII, IX	+ (Ст. 2)	+	+
Выпас скота	Ст. X, XI	+	+	
Отчётность	Ст. IV, XIII	+ (Ст. 1, 4, 5)		
(Меры по обеспечению общественного порядка в период полевых работ)		Ст. 6		

Напомним ещё раз, что известные на сегодняшний день циньские и раннеханьские тексты являются лишь фрагментами «Статутов о полях» и могут не отражать содержание этого раздела законодательства во всей полноте. Тем не менее, сопоставление имеющихся фрагментов позволяет выделить ряд основных его составляющих: установления о земельном межевании; «ритуальные запреты»; установления, связанные с поземельным налогообложением; установления о выпасе скота. Несмотря на то, что отдельные нормы циньского законодательства претерпели изменения к началу эпохи Ранняя Хань (возможно, часть изменений относится к более раннему периоду), в целом можно констатировать высокую степень стабильности этого раздела законодательства. Единственной группой установлений, встречающейся только в «Статуте о полях» из Чжанцзяшань, являются статьи, связанные с земельным наделением. Учитывая рассмотренную выше специфику чжанцзяшаньского эпиграфического корпуса, можно допустить их принадлежность к другим статутам, специально посвящённым проблематике наделений. Однако, как мы увидим, некоторые черты этих установлений сближают их с тематикой «Статутов о полях».

Нетрудно заметить, что бóльшая часть статей циньского и ханьского «законодательства о полях» представляет собой административные предписания для уездных и волостных администраций. Эти предписания в основном посвящены двум темам: 1) земельному администрированию (установление и поддержание государственного контроля над землёй, направленного на эффективное осуществление государством фискальных,

социально-регулирующих и хозяйственных функций) и 2) обеспечению общественного порядка за пределами поселений, в полях.

Первым шагом при установлении контроля над земельными ресурсами было межевание – разделение всей пригодной для обработки земли на равные участки, подлежавшие систематическому учёту. Обязанности по проведению межевания и поддержанию в хорошем состоянии системы межевых дорог и насыпей возлагались на уездных или волостных чиновников. Именно в погребениях таких чиновников были обнаружены известные на сегодня межевальные установления – указ из Хаоцзяпин и одна из статей «Статута о полях» чжанцзяшаньского судебника. Математический текст из того же погребения № 247 в Чжанцзяшань, содержащий ряд задач по определению площади земельных участков, свидетельствует о том, что местный чиновник, которому принадлежала могила, обладал определёнными землемерными навыками [21, с. 153–154]. Необходимость этих навыков для чиновников волостного и уездного уровней видна также из текста на бамбуковых планках из собрания Гонконгского университета китайского языка (*Сянган чжунвэнь дасюэ* 香港中文大學), датируемого начальным периодом раннеханьской эпохи и представляющего собой собрание волостных землемерных отчётностей и общую уездную отчётность [11].

После проведения межевания местные чиновники должны были определить качество различных земельных участков для их последующей раздачи в наделы. Видимо, этот процесс был связан с составлением земельных реестров, служивших основой для дальнейшего наделения. Примером такого рода реестра, в соответствии с которым определялся средний размер надела, является упомянутый выше текст из собрания Гонконгского университета китайского языка. В нём, после определения площади пригодных для обработки и подлежащих обработке земель на территории уезда, вычисляется средний размер надела [11, с. 72]. Если другие разделы раннеханьского законодательства устанавливали общие принципы наделения землёй в соответствии с уровнем социальных рангов, статьи «Статута о полях» были связаны с практической стороной распоряжения государственным земельным фондом.

Регулярное поземельное налогообложение было ещё одной важной функцией земельного межевания. Процедуры развёрстки и сбора поземельных налогов были неразрывно связаны со стандартизированным земельным межеванием и исчислением площади облагаемых налогом полей в циньско-ханьских единицах измерения. Некоторые нормы поземельного налога, отличавшиеся, как мы видели выше, достаточно высокой степенью стабильности, были зафиксированы в законодательстве. Однако «Статуты о полях» включали лишь часть этих норм – те, что были связаны с поземельным налогом в сене и соломе. Это, видимо, объясняется административным характером циньских и ханьских статутов. Как демонстрируют тексты из Лунган, норма зернового налога, в отличие от налога сеном и соломой, не была строго зафиксирована и каждый год определялась центральным правительством исходя из ожидаемых урожайных сборов (см.

[28]). Установления, связанные с определением этой нормы, не могли относиться к «Статуту о полях» именно в силу его административного характера: они были предназначены для центральной, а не для местных администраций. Напротив, предоставление центральному правительству информации для определения объёмов ожидаемого урожая и нормы сбора налога было задачей местных уездных управ.

Обеспечение общественного порядка в ходе полевых работ было одной из основных задач местной администрации в царстве (империи) Цинь и в раннеханьской империи. Хорошо разработанная и, видимо, достаточно эффективная система контроля над населением, в том числе через практику взаимной слежки, засвидетельствованная циньскими и раннеханьскими статутами, была рассчитана на городские и деревенские поселения (см., напр., [27, с. 215]).[42] Ситуация пребывания значительной части жителей за пределами поселений в период полевых работ представляла потенциальную опасность для властей, открывая возможности для различных нарушений: разрушения межевых сооружений, несанкционированного использования различных природных ресурсов (вырубка леса, охота, рыбная ловля), потравы чужих полей. Все эти нарушения предусмотрены в циньских и ханьских «Статутах о полях». Интересно отметить, что часть установлений, отнесённых нами к категории «ритуальных запретов», затрагивает только весенний и летний сезоны – время наиболее интенсивных полевых работ. Можно предположить, что эти установления, наряду с ритуально-космологическим, имели и практическое значение: препятствование доступу к природным ресурсам в период, когда это доступ было труднее всего контролировать.

Таким образом, циньские и ханьские «Статуты о полях» были законодательным выражением государственного контроля над сельской местностью, сельскохозяйственными ресурсами и земледельческим населением. Интенсификация и институционализация этого контроля рассматривается некоторыми исследователями как один из ключевых исторических процессов эпохи Чжаньго [39, с. 30–35]. Наиболее последовательные реформы в этом направлении были проведены в царстве Цинь, что в значительной степени обусловило его способность к мобилизации ресурсов для конечного завоевания других древнекитайских государств. Эффективность разработанных циньскими государственными деятелями мер обусловила стабильность этой части законодательства, основные компоненты которой присутствуют как в циньских, так и в раннеханьских судебниках.

Примечания

[1] Научный перевод циньских законодательных текстов из погребения № 11 в Шуйхуди, в число которых входят «статуты о полях», а также указа о земельном межевании из Цинчуань был выполнен А. Хульсве [38]. Хотя этот перевод не свободен от определённых недостатков и даже ошибок, соответствующие эпиграфические памятники могут считаться успешно введёнными в научный оборот, о чём свидетельствует интенсивное использование переводов Хульсве в работах других западных исследователей.

[2] Термин *тянь* 田 в древнекитайском языке, наряду со значением «поле, полевые работы», имел также значение «облавная охота».

[3] В составе эпиграфического корпуса Шуйхуди выделяется десять групп текстов, названия четырёх из них встречаются на планках. Названия остальных шести групп были сформулированы издателями текста – группой учёных, отвечавших за упорядочивание бамбуковых планок, составление транскрипции текстов, комментирование, частичный перевод текстов на современный китайский язык и их публикацию (см. предисловие к [26]).

[4] На это указывает употребляемая в текстах титулатура циньского правителя, именуемого *ваном* 王, а не *хуанди* 皇帝 (императором) – титулом, присвоенным Цинь Шихуаном в 221 г. до н.э. после завершения завоевания других древнекитайских царств эпохи Чжаньго [12, цз. 6, с. 236; 35, с. 62].

[5] Подробнее об этой полемике см. [33]. Пример реконструкции статута, название которого было утеряно, и отнесение к нему части планок, изначально включённых в другие статуты, см. [8].

[6] В порядке гипотезы можно, например, предположить, что свитки прилегали друг к другу торцами, и после того, как рассыпались связывающие планки верёвки, отдельные планки под напором глины были «выжаты» в соседний свиток. Также можно предположить, что планки перемешались от внешнего воздействия уже в ходе раскопок.

[7] При переводе мы используем последнее издание чжанцзяшаньского судебника – [27].

[8] Издатели чжанцзяшаньских текстов ссылаются на словарь Шовэнь цзецзы 說文解字 (кон. I в. н.э.), в котором для знака *сян* 巷, входящего в состав всех трёх биномов, приводится значение «дорога в пределах поселения *ли* 里» [14, цз. 6Б, с. 137], а для знака *шу* 術 – «дорога в пределах города *и* 邑» [14, цз. 2Б, с. 44]. Бином *гусян* 谷巷 трактуется как «дорога, идущая вдоль небольшой реки/канала», *шусян* 樹巷 – как «дорога, обсаженная деревьями» [27, с. 189].

[9] *Лян* 兩 – мера веса, в раннеханьское время равная ок. 15,5 г (здесь и далее размеры циньских и ханьских метрических единиц приводятся по Гуцзинь ханьюй цыдянь 古今漢語詞典 (Словарь древнего и современного китайского языка). Пекин, 2004, с. 2015–2021). Штрафы, сумма которых определялась в *лянах* золота (*цзинь* 金) были одной из распространённых форм наказания, зафиксированных в чжанцзяшаньских статутах. При этом само по себе это не свидетельствует о том, что она вносилась именно в золоте. «Статут о золоте и ткани» (*цзинь бу люй* 金布律) из того же судебника из Чжанцзяшань постулирует возможность внесения штрафов и осуществления других выплат (например, наград), сумма которых определена в золоте, в монете в соответствии с курсом, устанавливаемым для различных областей империи местными властями [28, с. 253–254, пл. 247–248].

[10] Термин *сэфу* 嗇夫 мог обозначать различные чиновничьи должности – начальников уездов, волостей, чиновников, отвечающих за казённые склады.

[11] Указ 309 г. до н.э., предписываемая им модель земельного межевания, её связь с чжанцзяшаньским статутом и значение указа из Хаоцзяпин для реконструкции хода земельной реформы в царстве Цинь эпохи Чжаньго рассмотрены нами в [31, 32].

[12] Это позволяет предположить, что циньско-ханьская система межевания, подобно римской, предполагала наличие центра межевания, в котором располагалось

городское поселение (см. [36]). В силу своего расположения, это поселение могло легче всего выполнять функции административного и транспортного (и, соответственно, торгового) центра данной области.

[13] Примеры употребления термина *син* в связи с земельными наделениями см. статуты на планках 310–313, 318 [27, с. 216–218, 219].

[14] Примеры употребления термина *шоу* в связи с земельными наделениями см. статуты на планках 314–316, 318, 321, 386–387 [27, с. 218–220, 240].

[15] *Ши* – единица измерения веса, в раннеханьское время равная примерно 30 кг.

[16] Раннеханьский округ Шан-цзюнь 上郡 располагался в восточной части великой излучины Хуайхэ, к северу от бассейна реки Вэй 渭河 и столичного региона империи (северо-восточная часть современной провинции Шэньси 陕西) [15, карта 17–18]. О природных условиях округа Шан-цзюнь см. [2].

[17] Отсылка к предыдущему статуту на планках 240–241.

[18] Усреднённая цена (*пин цзя* 平價) – часто употребляемый в чжанцзяшаньских статутах термин, обозначающий официально установленную цену на тот или иной товар (см. [4]).

[19] Раннеханьская система социальных рангов включала 20 рангов, из которых высшим был 20-й ранг *чэхоу* 徹侯. Ранги делились на несколько категорий, одной из которых была категория *цин* 卿 (дословно «вельможа, сановник»), охватывавшая ранги с 10-го по 18-й (см. [24, с. 180]).

[20] Отсылка к статуту на планках 240–241.

[21] Источники неоднократно подчёркивают резкое сокращение населения и уменьшение клина обрабатываемых земель в результате войн, последовавших за падением империи Цинь и продолжавшихся в течение первых лет раннеханьской эпохи (см., например, [1, цз. 24А, с. 1142]).

[22] В тесте на планке этот знак записан как 耳 (левая часть знака) + 鹿 (правая часть знака). Значение знака – «оленёнок», однако издатели текста считают, что в данном случае речь идёт о звериных детенышах вообще [28, с. 191].

[23] *У* 戊 – 5-й день 10-ричного цикла «земных стволов» (*тянь гань* 天干). *Цзи* 己 – 6-й день 10-ричного цикла.

[24] Текст главы Юэ лин в Ли цзи по своему содержанию почти дословно воспроизводит соответствующие главы Люй ши чуньцю, содержащие «помесячные указы». Уже первый комментатор Ли цзи Чжэн Сюань 鄭玄 (127–200 гг. н.э.) считал эту главу Ли цзи напрямую заимствованной из Люй ши чуньцю, и этого мнения до сих пор придерживается большинство исследователей. Однако обнаружение в ходе раскопок 1990–1992 гг. в развалинах раннеханьской почтовой станции в Сюаньцюань 懸泉 (провинция Ганьсу 甘肃, неподалёку от г. Дуньхуан 敦煌) текста «помесячных приказов», официально изданных в 5 г. н.э., позволяет по-новому взглянуть на соотношение между текстами категории *юэ лин* в составе Люй ши чуньцю и Ли цзи и предположить, что они связаны между собой не отношениями прямого текстуального заимствования, а представляют одну (возможно, региональную) традицию «помесячных указов». Подробное сравнение обнаруженного в Сюаньцюань текста и глав *юэ лин* в Люй ши чуньцю и Ли цзи, а также предположения о возможном характере отношений между этими текстами (см. [41]).

[25] Отсылка к основному законодательному установлению о наказаниях за воровство на планках 55–56 чжанцзяшаньского судебника. Согласно этому установлению, наказание преступника определялось в соответствии со стоимостью

похищенного им имущества – чем больше стоимость, тем строже наказание. Наиболее суровым наказанием, полагавшимся за кражу имущества на сумму более 660 монет, было «клеймение с последующей отправкой на казённые работы по строительству городских стен и толчению зерна» (*цин вэй чэнданьчун* 黥為城旦舂) – наиболее строгое трудовое наказание в циньско-ханьском уголовном законодательстве. Если же сумма украденного была меньше 22 монет, преступник отделывался штрафом в один *лян* золота [27, с. 112]. Как показывают циньские тексты из Шуйхуди, точное определение суммы украденного имущества было необходимо как при доносе на преступника, так и при предъявлении ему официального обвинения чиновниками, ведущими следствие. Ошибка в определении суммы (особенно её завышение) грозила наказанием уже самим доносчикам и следователям (см., например, [26, с. 165–168; 38, с. 129–131]).

[26] Т.е. виновный наказывался, как за предумышленное убийство, в соответствии со статутом «о предумышленном злодеянии» (*цзэй люй* 賊律) на планке 21, содержащим основные законодательные установления о наказаниях за два типа убийства – предумышленное и непредумышленное [27, с. 98–99].

[27] «Статут о предумышленном злодеянии» на планке 25 устанавливал наказание за предумышленное нанесение ранений – «клеймение с последующей отправкой на казённые работы по строительству городских стен и толчению зерна» [27, с. 100]. Наказание за рытьё ям-ловушек, приведшее к падению другого человека в яму и получение им ранения, было на один уровень легче – преступник отправлялся на казённые работы, но без предварительного клеймения.

[28] Такая интерпретация знака предложена издателями [22] и [28]. В оригинале знак состоит из двух частей: 豕 (*ши*, «свинья; дикий кабан») + 辱 (*жу*, в данном случае знак, несущий фонетическую функцию).

[29] Как и другие чжанцзяшаньские статуты, касающиеся порчи имущества частных лиц, этот статут предусматривает двойное наказание: штраф в пользу уездной управы и компенсацию ущерба пострадавшего частного лица.

[30] Поскольку в данной ситуации компенсация частным лицам ложилась на государство в лице уездной управы, чиновники, виновные в потраве, в свою очередь, должны были из собственных средств компенсировать управе сумму штрафа.

[31] В циньском законодательстве существовали нормы заработной платы человека, который был не в состоянии внести штраф деньгами и вынужден был отрабатывать его [26, с. 84–87; 38, с. 67–71]. Видимо, аналогичные установления имелись и в раннеханьском законодательстве. В данном случае, компенсация хозяину потравленного поля вносилась государством (уездной управой), а виновный обязан был отрабатывать соответствующую сумму в уездной управе. Важно отметить, что закон не предусматривал возможности отработки виновным суммы компенсации непосредственно у человека, чьё поле было потравлено – государство стремилось избежать возникновения даже временных форм личной зависимости между частными лицами равного социального статуса.

[32] Ещё одна разновидность трудового наказания в раннеханьском законодательстве.

[33] Последний знак *чжи* 彘 дословно означает «свинья, кабан», однако в данном случае речь, видимо, идёт о скоте вообще.

[34] Как свидетельствует этот статут, выпас скота был одной из работ, на которые могли отправляться осуждённые на казённые работы преступники. Видимо,

это была сравнительно лёгкая повинность, и в случае, если пастух допускал потраву чужого поля, одной из форм наказания был запрет этому человеку в дальнейшем пасти скот, что означало его отправку на более тяжёлые работы.

[35] *Дао* 道 – уезд с преобладающим не-хуасяским населением.

[36] В данном случае имеются в виду начальники округов (*цзюнь* 郡), перед которыми должны были отчитываться начальники подведомственных им уездов (*сянь* 縣).

[37] Ок. 46 см.

[38] В тексте: ведомству *нэйши* 内史. Видимо, имеется в виду ведомство *чжи-су нэйши* 治粟内史 – центральное казначейство.

[39] 8-й месяц лунного календаря примерно соответствует сентябрю. В циньской и ханьской административной практике 8-й месяц был временем подведения годовой отчётности (см., напр., [27, с. 222–223]).

[40] В распоряжении циньской и раннеханьской (по крайней мере, в начале раннеханьской эпохи) местных администраций находилось значительное количество казённых зависимых работников – осуждённых преступников и людей, отрабатывавших наложенные на них штрафы (см. примеч. 31), которым государство обязано было выдавать одежду и питание. Циньские статуты из Шуйхуди содержат детальные предписания, касающиеся стоимости одежды и продовольственного пайка различных категорий работников [26, с. 66–68, 88; 38, с. 55–56, 67]. Привлечение на казённые повинности свободных земледельцев также требовало больших расходов на их содержание. Этим, видимо, объясняется требование циньского «Статута о казённой трудовой повинности» (*яо люй* 徭律) из Шуйхуди как можно скорее отправлять всех прибывших на выполнение повинности на место проведения работ: любые задержки были связаны с дополнительными расходами [26, с. 76–80; 38, с. 63–66].

[41] В тех случаях, когда соответствующее установление встречается в одной из статей «Статута о полях» из Шуйхуди, мы указали номера статей в соответствии с их последовательностью в [26].

[42] Циньское и ханьское законодательство не делало различия между первыми и вторыми, обозначая как деревни, так и городские кварталы термином *ли* 里.

Литература

1. *Бань Гу*. Хань шу (История [империи Ранняя] Хань). Т. 1–12. Пекин, 2006.

2. *Ван Цзы-цзинь*. Шо «Шан-цзюнь ди э» (О смысле фразы «Земли округа Шан-цзюнь плохи») // Чжанцзяшань Хань цзянь «Эр нянь люй лин» яньцзю вэньцзи (Собрание исследований «Статутов и указов второго года» из Чжанцзяшань). Гуйлинь, 2007.

3. *Ван Янь-хуэй*. Лунь Чжанцзяшань Хань цзянь чжун дэ цзюньгун мин тянь чжай чжиду (О режиме наделения земельными и усадебными участками за военные заслуги как он отражён в ханьских текстах на бамбуковых планках из Чжанцзяшань) // Чжанцзяшань Хань цзянь «Эр нянь люй лин» яньцзю вэньцзи.

4. *Вэнь Лэ-пин, Чэн Юй-чан*. Цун Чжанцзяшань Хань цзянь кань Си Хань чуци пинцзя чжиду (Режим уравнивания цен в начале эпохи Западная Хань: по материалам ханьских бамбуковых планок из Чжанцзяшань) // Чжанцзяшань Хань цзянь «Эр нянь люй лин» яньцзю вэньцзи.

5. *Гао Да-лунь*. Чжанцзяшань Хань цзянь «тянь люй» юй Цинчуань муду «вэй тянь люй» бицзяо яньцзю (Сравнительное исследование ханьского «Статута о полях» и «Статута об устройстве полей» на цинчуаньской дощечке) // Цзяньду юйянь вэньцзы яньцзю (Исследования языка и палеографии документов на бамбуковых планках и деревянных дощечках). Сборник 1. Чэнду, 2002.

6. *Гао Минь*. Лунь Си Хань цяньци чу, гао шуй чжиду дэ бяньху фачжань (Об изменениях и эволюции режима сбора налога в сене и соломе в начале эпохи Западная Хань) // Чжанцзяшань Хань цзянь «Эр нянь люй лин» яньцзю вэньцзи.

7. *Гао Хэн*. Цинь Хань цзяньду чжун фачжи вэньшу цзикао (Изучение циньских и ханьских юридических документов на бамбуковых планках). Пекин, 2008.

8. *Ли Цзюнь-мин*. «Эр нянь люй лин. Цзюй люй» чжун ин фэнь чу «Цю люй» тяо куань (Статьи «Статута о применении [наказаний]» из «Законов и указов второго года», подлежащие выделению в «Статут о заточении [преступников]»). – Чжанцзяшань Хань му чжу цзянь (эр сы ци хао му): ши вэнь сю дин бэнь (Бамбуковые планки из ханьского погребения в Чжанцзяшань (погребение № 247): испр. коммент. изд.). Пекин, 2006.

9. Лунган Цинь цзянь (Циньские бамбуковые планки из Лунган). Пекин, 2001.

10. Люйши чуньцю (Вёсны и осени господина Люя). Т. 1–2. Пекин, 2009.

11. *Пэн Хао*. «Хэди цзянь» цзяоду (Отредактированные «Планки с текстами о дамбах») // Каогу. 2005, № 11.

12. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. Пер. с кит. и коммент. *Р.В. Вяткина* и *В.С. Таскина*; под общ. ред. *Р.В. Вяткина*. М., 2003.

13. *Сыма Цянь*. Ши цзи (Исторические записки). Т. 1–10. Пекин, 1959.

14. *Сычуань шэн боугуань, Цинчуань сянь вэньхуагуань*. Цинчуань сянь чуту Цинь гэнсю тянь люй муду (Музей провинции Сычуань, Отдел культуры уезда Цинчуань. Циньская деревянная дощечка с текстом об изменении статута о полях, раскопанная в уезде Цинчуань) // Вэньу. 1982, № 1.

15. *Сюй Шэнь*. Шовэнь цзецзы (Объяснение письмен и трактовка знаков). Пекин, 2002.

16. *Тань Ци-сян*, ред. Чжунго лиши дитуцзи (Атлас по истории Китая). Т. 2. Цинь, Си Хань, Дун Хань шици (Эпохи Цинь, Западная Хань, Восточная Хань). Пекин, 1996.

17. *У Сяо-цян*. Цинь цзянь жишу цзиши (Собрание циньских *жи шу* на бамбуковых планках, с коммент.). Чанша, 2000.

18. *Хуан Цзинь-янь*. Цинь Хань фу и чжиду яньцзю (Исследование циньско-ханьской системы налогов и трудовых повинностей). Наньчан, 1988.

19. *Цао Люй-нин*. Цинь люй синь тань (Новое исследование циньского законодательства). Пекин, 2002.

20. *Цзинчжоу дицюй боугуань*. Цзянлин Чжанцзяшань сань цзо Хань му чу ту да пи чжу цзянь (Местный музей Цзинчжоу. Обнаружение в трёх ханьских погребениях в местечке Чжанцзяшань уезда Цзянлин большой группы бамбуковых планок) // Вэньу. 1985, № 1.

21. Чжанцзяшань Хань му чжу цзянь (эр сы ци хао му) (Бамбуковые планки из ханьского погребения в Чжанцзяшань (погребение № 247). Пекин, 2001.

22. Чжанцзяшань Хань му чжу цзянь (эр сы ци хао му): ши вэнь сю дин бэнь (Бамбуковые планки из ханьского погребения в Чжанцзяшань (погребение № 247): испр. коммент. изд.). Пекин, 2006.

23. Чжоу ли чжу шу (*Чжоу ли* с первичным и вторичным комментариями). Пекин, 1999.

24. Чжу Хун-линь. Чжанцзяшань Хань цзянь «Эр нянь люй лин» яньцзю (Исследование ханьских «Законов и указов второго года» из Чжанцзяшань). Харбин, 2008.

25. *Чжу Шао-хоу*. Лунь Хань дай дэ мин тянь (шоу тянь) чжи цзи ци похуай (О режиме наделения землёй в эпоху Хань и его распаде) // Чжанцзяшань Хань цзянь «Эр нянь люй лин» яньцзю вэньцзи.

26. *Чэнь Сун-чан*. Юэлу шуюань со цан Цинь цзянь цзуншу (Общее описание циньских бамбуковых планок из

27. Шуйхуди Цинь му чжу цзянь (Бамбуковые планки из циньского погребения в Шуйхуди). Пекин, 1978.

28. Эр нянь люй лин юй Цзоу янь шу: Чжанцзяшань эр сы ци хао Хань му чу ту фа люй вэнь сянь ши ду («Законы и указы второго года» и «Книга запросов и прошений»: комментированное издание обнаруженных в ханьском погребении № 247 в Чжанцзяшань законодательных текстов). Шанхай, 2007.

29. *Ян Чжэнь-хун*. Лунган Цинь цзянь чжу «тянь», «цзу» цзянь шии бучжэн (Дополнения к интерпретации циньских планок из Лунган, содержащих знаки *тянь* и *цзу*) // Цзяньду яньцзю (Исследования текстов на бамбуковых планках и деревянных дощечках) (2004). Гуйлинь, 2006.

30. *Ян Чжэнь-хун*. Цинь Хань «Мин тянь чжай чжи» шо (О значении «режима именования полей и усадебных участков» при Цинь и Хань) // Чжанцзяшань Хань цзянь «Эр нянь люй лин» яньцзю вэньцзи.

31. *Ян Чжэнь-хун*. Юэлин юй Цинь Хань чжэнчжи цзай таньтао – цзянь лунь юэлин юаньлю (Ещё раз о «помесячных распоряжениях» и циньско-ханьской политической жизни – к вопросу о происхождении «помесячных распоряжений») // Лиши яньцзю (Исторические исследования). 2004, № 3.

32. *Корольков М.В.* К вопросу об интерпретации циньского указа о полях 309 г. до н.э.: земельная реформа в Цинь и формирование древнекитайской империи. Готовится к публикации в «Вестнике древней истории».

33. *Корольков М.В.* Новый источник по земельной реформе в царстве Цинь эпохи Чжаньго: «Указ о полях» 309 г. до н.э. из циньского погребения в Хаоцзяпин. Готовится к публикации в «Вестнике древней истории».

34. *Корольков М.В.* Судебник из Чжанцзяшань: некоторые проблемы изучения раннеханьских законодательных текстов на бамбуковых планках // XXXIX научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2009.

35. Люйши чуньцю (Вёсны и осени господина Люя). Пер. *Г.А. Ткаченко*. М., 2001.

36. *Dilke, O.A.W.* The Roman Land Surveyors. An Introduction to the Agrimensores. London, 1971.

37. *Hulsewe, A.F.P.* Remnants of Han Law. Volume I. Introductory Studies and an Annotated Translation of Chapters 22 and 23 of the History of the Former Han Dynasty. Leiden, 1955.

38. *Hulsewe, A.F.P.* Remnants of Ch'in Law. An annotated translation of the Ch'in legal and administrative rules of the 3rd century B.C. discovered in Yün-meng Prefecture, Hu-pei Province, in 1975. Leiden, 1985.

39. *Lewis, M.E.* The Early Chinese Empires: Qin and Han. Cambridge – London, 2007.

40. *Li Xueqin and Xing Wen*. New Light on the Early-Han Code: A Reappraisal of the Zhangjiashan Bamboo-slip Legal Texts // Asia Major, Third Series, 14:1 (2001).

41. *Sanft, C.* Decree of Monthly Ordinances for the Four Seasons in Fifty Articles from 5 CE: the Wall Inscription Discovered at Xuanquanzhi – Introduction and Translation. Forthcoming in *Early China.*